

АНАЛИЗ ОНОМАСТИКОНА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛИША *ЧЕРНАЯ РАДА*

Виктория Лебович

Анализ ономастикона чрезвычайно интересного и значимого в истории украинской литературы исторического романа Пантелеймона Кулиша *Черная рада* будет осуществлен на основе украинского и русского текстов произведения. Ссылки на русский вариант романа призваны подчеркнуть закодированные в именах героев значения и коннотации, так как в большинстве случаев они уточняют, углубляют или дополняют заложенную в украинском произведении семантику. Проведение подобного анализа возможно благодаря тому, что сам Кулиш назвал русский вариант романа *Черная рада* вольным переводом, в котором *«есть места, которых нет в подлиннике, а в подлиннике осталось многое, не вошедшее в перевод»* (Кулиш 1996: 238). А об интересе Кулиша к ономастике свидетельствует среди прочего и тот факт, что в письме к М. Погодину от 2 марта 1843 года, в котором украинский писатель информирует русского издателя о своих рабочих планах-намерениях, фигурирует следующий пункт: *«въ четвертыхъ, издать исторію Малороссійскихъ фамилій»* (Кулиш 1929: 9).

15 октября 1843 года Пантелеймон Кулиш в письме к тому же М. Погодину заявляет: *«Уже съ годъ сидитъ у меня въ головѣ романъ, почти совсѣмъ готовый [...] Имя моего романа: Сотникъ Шрамко и его сыновья (Шрамко значитъ – Balafre), – картина того чуднаго и загадочнаго времени, которое наступило по смерти Богдана Хмельницкаго»* (там же, 11–12). Далее автор замечает, что его предыдущий роман *Михайло Чарнишенко, або Малоросія 80 літ назад* имел большой успех в Украине: *«Панамъ нашимъ пришелся онъ очень по вкусу, особенно восхищаются Запорожцами. Въ новомъ моемъ романѣ будетъ также Запорожець, только не одинъ, а цѣлая ватага»* (там же, 13).

Произведение *Черная рада* стало первым историческим романом вальтер-скоттовского типа в украинской литературе. Александр Долинин отмечает: *«Общеизвестно, что вальтер-скоттовский исторический роман предлагает удобную модель для описания любого общества в диахронической перспективе, поскольку он, как правило, ри-*

сует некий переломный момент исторического развития [...] через контраст и конфликт двух враждующих лагерей» (Долинин 2007: 239). Созданию произведения предшествовало изучение большого количества украинских, российских, польских и т.д. исторических источников, однако автор все же считает, что мир образной словесности не должен быть художественным соответствием реальной действительности. Пантелеймон Кулиш вводит в свой роман вальтер-скоттовский образ рассказчика – своеобразного альтер-эго самого писателя (см. Гармата 2012: 59–60). Многие герои произведения созданы на основе прототипов, однако Кулиш и в этом не стремится к воссозданию исторической верности. Уже М. Максимович в своей статье *Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г.* писал: «По сказанию летописей, наволоцкий полковник не был на Черной раде; а во все время оной подвизался храбро на Заднепровской Украине, против ее томителей, напрасно ожидая себе помочи из Киева от Сомка, а потом от Брюховецкого, к которому были и посланцы от него. Таким образом одно из главных действующих и лучших лиц романа введено в него несогласно с историческою истиною» (цит. по Кулиш 1994: 605).

Герои исторического романа *Черная рада* – это убедительные общественные и психологические типы людей, в образе, поступках и мыслях которых автор отражает свои общественно-политические и морально-этические воззрения, свое понимание истории Украины середины XVII столетия. Героев романа можно разделить на две категории: исторические лица и созданные автором, вымышленные персонажи. Все они являются носителями определенной идеи, представителями определенной системы ценностей и жизненного идеала.

Анализ ономастикона романа *Черная рада* Пантелеймона Кулиша призван показать, каким образом воплощаются и отражаются эти идеи в номинации вымышленной ватаги запорожцев в произведении.

Историческую основу романа дают события, происшедшие после заключения Переяславского договора (1654) в условиях борьбы за власть на Левобережной Украине, когда за гетманство столкнулись Василь Золотаренко, Яким Сомко и Иван Брюховецкий. В результате на Чорной раде 17 июня 1663 года гетманом был избран Брюховецкий. В описании толпы бродяг и голой, грязной черни отражается охлократия Кулиша, который считал, что дикие инстинкты темной во-

оруженной толпы угрожают национальной самобытности и историческому развитию украинского народа, и запорожских казаков в своих исторических работах называл не иначе как разбойниками: *«Назбиралось люду незчисленна сила, і все то була сільська чернь, мужики, що позіходились грабовати Ніжень, як приобіщав їм Брюховецький. Обідрані кругом, у чорних сорочках: мабуть, самі бурлаки да гольтяпаки, що, не маючи жодного притулку, служили тільки по броварнях, по вінницях да ще по лазнях грубниками. У іншого сокира за поясом, у того коса на плечі, а другий притяг із колякою. Аж сумно стало Петрові, як розібрав, що воно єсть отся купа голоти»* (Куліш 1994: 120).

Полковник и священник Иван Шрам

Из вышеприведенного отрывка письма Кулиша к М. Погодину выясняется, что по мере рождения произведения со временем изменилось не только его название, но и сюжет. Рабочее название романа свидетельствует также о том, кого писатель собирался сделать главным героем. Несмотря на то, что само прозвище главного героя *Шрамко* является говорящим именем, Кулиш особо подчеркивает его значение: в скобках переводит слово на французский язык (*Шрамко значить – Balafre*). И буквально во втором предложении романа представляет героя читателям: *«по одежі і по сивій бороді, сказати би, піп, а по шаблюці під рясю, по пістолях за поясом і по довгих шрамах на виду – старий козарлюга»* (Куліш 1994: 38). В русском варианте романа старый *козарлюга* передается одним, стилистически насыщенным, возвышенным, немного даже торжественным существительным *воин* (см. Кулиш 1860: 1), полная смысловая нагрузка которого раскрывается в тексте немного позже, когда Пантелеймон Кулиш знакомит читателей с историей жизни казака Шрама, храбро боровшегося на стороне Богдана Хмельницкого и на поле боя не раз смотревшего в глаза смерти: *«Ніхто краще його не ставав до бою; ніхто не крутив ляхам такого веремія»* (Куліш 1994: 38). Интересно, что в русском тексте П. Кулиш посчитал нужным сохранить оригинальное украинское выражение *«не вертіть Ляхамъ веремія»* и в сноске объяснил: *«Выраженіе козацкое. Это значило – налетѣть вьюгою. Одуричь неприятелю голову внезапнымъ бѣшенымъ нападеніемъ»* (см. Кулиш 1860: 13), что опять таки подчеркивает отчаянную храбрость закаленного в боях старого, мудрого казака. Шрамы на лице героя много-

кратно упоминаются в тексте романа. Например, слепой кобзарь при встрече гладит рукой лицо полковника и приговаривает: *«это наш рыцарь, это его шрамы»* (там же, 21), а Кирило Тур выражает свое уважение почитаемому всеми казаку-священнику следующими словами: *«Лучче, коли хоч, розрубай мене надвое од чуба до матні, а я не зніму руки на твої шрами і на твою рясу!»* (Куліш 1994: 74).

Основную идею, заложенную в образе главного героя, лучше всего иллюстрирует следующая реплика самого Шрама: *«Як треба рятовати Україну, байдуже мені і літа, й рани. Обновиться яко орля юність моя. На коня, на коня!»* (там же, 135). И Шрам отправляется в путешествие, в конце которого отдает жизнь за Украину, за казацкие ценности.

Этимологическое толкование прозвища сына *«Паволочского по-па, по фамилии Чепурного»* (Кулиш 1860: 8) подается вместе с культурно-исторической ссылкой на интересный обычай номинации в среде казачества: *«У тих-то случаях пошрамовано його вздовж і вперек, що козаки, як прозвали його Шрамом, то й забули реєстрове його прізвище. І в реєстрах-то, коли хочете знати, не Чепурним його записано»* (Куліш 1994: 38). Имя и фамилия полковника и священника, *«въ которомъ соединялись два званія, по понятіямі нашего вѣка несовмѣстнія»* (Кулиш 1860: 8) – Иван (др.-инд. *божся бдагодять, божий дар* (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 61)) и Чепурный (рус. *чистый, аккуратный, ухоженный*) – в переносном смысле подчеркивает как особую приближенность к Господу, так и моральную чистоту и устойчивость воззрений казака. В реестр Запорожской Сечи его записали под неизвестным читателям и неупоминаемым автором романа именем. Реестровым именем в казацкой среде считалось имя и фамилия, которое записывали в реестровую книгу по прибытию казака на Сечь. По свидетельству выдающегося исследователя истории запорожских казаков Дмитра Яворницкого настоящую фамилию казаков часто стремились скрыть, так как российское или польское правительство, разыскивая своих беглых подданных, не раз присылало на Сечь запросы с целью выяснить, нет ли на Сечи какого-то Иванова или Войновича. В ответ казаки писали, что таких лиц на Сечи нет, но есть прибывшие приблизительно в указанное в запросе время Задерихвост или Загубиколесо (см. Яворницкий). Таким образом, запорожский казак имел по меньшей мере три номинации: имя и фамилию, полу-

ченные при рождении, реестровое имя и прозвище. Многие из казацких прозвищ сохранились как наследственные патронимические фамилии в среде современного украинского населения. Казацкие прозвища были интересны и остроумны, они часто отражали внешние или внутренние характеристики казака. Именно это мы и постараемся показать и доказать посредством анализа номинации большинства вымышленных героев романа *Черная рада*.

Тарас Сурмач

Примером такой номинации может служить прозвище эпизодического героя романа – Тараса Сурмача. Вынужденная остановка путешественников в Киеве связана с народным обычаем, согласно которому по поводу рождения сына счастливый отец расстилал перед порогом своего дома скатерть и угощал всех проходивших мимо людей. Старик Шрам узнал *«въ хозяинъ стараго трубача охочекомонныхъ козаковъ своихъ, по имени Тараса Сурмача»* (Кулиш 1860: 69–70). Прозвище Тараса отражает род его занятий и образовано от слова *сурма*, т.е. музыкального инструмента, своеобразной деревянной трубы (Гуменюк 1967: 47), которой казаки пользовались для подачи разных сигналов. А Тарас является именем греческого происхождения со значением *бунтовщик* (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 101). Именно эти два аспекта актуализируются в намеке обидевшегося на Шрама новоиспеченного отца за то, что тот отказался с ним выпить: *«Коли б я знав, що така мені на старість буде честь од пана Шрама, то враг мене візьми, коли б я засурмив вам хоч на один приступ!»* (Кулиш 1994: 45).

Петро Шраменко

Сына полковника Шрама зовут Петром (др.-гр. *камень, скала, надежный, непоколебимый* (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 91)). В тексте его согласно украинским обычаям называют Шраменя (Кулиш 1994: 48), Шраменко (там же, 50), Петро Шраменко (Кулиш 1860: 34), Шрамовый орленокъ (там же, 44). И Петро действительно надежен, верен, непоколебим в своих воззрениях, стремлениях и своей любви. Он храбрый, удалой казак, весь в отца: *«один изъ первыхъ рубакъ на Украинь»* (там же, 157). Будучи еще ребенком, Петро пробрался в лагерь врагов-поляков, убил знаменосца и принес гетману знамя. В ро-

мане он отказывается поднять руку на того, кто спас ему жизнь. Петро бросается спасать чужую невесту, хотя сердце его разрывается на части, ведь он и сам влюблен в дочь друга своего отца, Михайла Череваня. Божий Человек пророчит Петру долгую, счастливую жизнь: *«Добрый козак; по батькові пішов. Одвага велика, а буде довговічний, і на війні щасливий: ні шабля, ні куля його не одоліє, – і вмере своєю смертю»* (Куліш 1994: 50). И Петро с Лесей становятся символом всепобеждающего семейного счастья в романе.

Помещик Михайло Черевань и его семья

Друг Шрама Михайло Черевань в Запорожском войске занимал важную должность: он был хорунжим, т.е. охранником знамени. Хорунжие были сильными и храбрыми воинами, способными при любых условиях уберечь знамя. Однако покинув казацкие вольности, Черевань *«доскочив собі незчисленного скарбу, та після війни й сів хутором коло Києва»* (Куліш 1994: 38). В русском варианте текста произведения встречается дополнение о спокойной, ленивой и веселой жизни зажиточного казака на хуроре Хмарище (см. Кулиш 1860: 2), предрасполагающей к той характеристике, которую автор дает герою через восприятие только что прибывшего Шрама. Сначала идет авторская ремарка, отсутствующая в украинском тексте, представляющая персонажа в своеобразном противопоставлении Шраму: *«Черевань, быь человекъ изъ разряда людей весьма обыкновенныхъ»* (там же, 21). А дальше следует описание внешности и этимологическое объяснение прозвища: *«Лысая, шарообразная голова, огромное брюхо или по-Украински черево, по которому и прозвали его Череванемъ, руки съ растопырившимися отъ жиру пальцами»* (там же). В украинском тексте по мнению автора нет необходимости в этимологическом толковании онима, так как фонетическая созвучность и овеенная романтическим ореолом в современной Кулишу украинской литературе история казачества соответственно ориентируют читателя. Спрятавшийся за деревом Шрам видит как Черевань *«похитувавсь, гладючи черево; а щоки – як кавуни»* (Куліш 1994: 44). Свидетельствующие о влиянии фольклора, характерном для украинской литературы почти всего XIX столетия, щеки-арбузы в русском тексте трансформируются в более неприятное изображение постоянно растопыренных от ожирения пальцев. Автор не раз намекает в произведении на чрезмер-

ные габариты казака, например, в описании собравшейся в Киев процессии: «*Черевань не торопился їхать, ізъ уваженія къ своей полно-вѣсной особѣ*» (Кулиш 1860: 58). Над толстяком подтрудливает и Кирило Тур. На замечание Череваня, что если б не жена и дочка, и он махнул бы к казакам на Сечь, Кирило Тур иронически констатирует, что мало таких поместилось бы в курене (см. Кулиш 1994: 76). Чрезмерная полнота мешает герою в передвижении, о чем свидетельствует многократное использование глаголов *лезет, сопит, вваливается* и т.д.: «*Як ось і лізе Черевань, сопучи, через поріг. Увалився у хату*» (там же, 49). Кроме того Черевань все время говорит и думает о еде: «*Там нам дадуть таких вареників, що всяке горе на душі одлигне*» (там же, 48).

Противопоставление Шрама и Череваня в романе намечается уже в той сцене, когда помещик приглашает гостей к столу. Примечательно и символично, что жбан, из которого Черевань угощает гостей, украшен скульптуркой бога вина Вакха. Может именно в этом подобен богу герой согласно значению своего имени древнееврейского происхождения: Михайло – как Бог (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 79)? Загадку Шрама: «*король каже: „Потіха моя!“*, *кряля каже: „Погибель моя!“*» (Кулиш 1994: 51), в которой король – это тело, а кряля – душа, реагирующие на потребление спиртного, Черевань разгадать не в состоянии. Больше того, согласившись с расшифровкой загадки, подсказанной Шрамом, толстяк снова предлагает всем выпить.

Противопоставление друзей достигает своего апогея в сцене, когда озабоченный зловещим положением дел в Украине Шрам возмущается реакцией Череваня, который думает только о своем животе и задает риторический вопрос: «*А що нам, бгате, до Вкраїни? Хіба нам нічого їсти або пити, або ні в чому хороше походити?*» (там же, 62). Негодующий Шрам в сердцах называет Череваня Барабашем. А это – великое оскорбление для казака («*паскудне прізвище*» (там же), «*поносное слово*» (Кулиш 1860: 78)). Имя Ивана Барабаша в украинской культуре и в народном творчестве, не в последнюю очередь благодаря думе «Хмельницкий и Барабаш», стало нарицательным. В украинском культурном пространстве оно обозначает человека, заботящегося лишь о собственной выгоде, равнодушного к судьбе своей страны предателя. Оскорбление заставляет Череваня изменить свою точку зрения: он кланется ни в чем не отставать от Шрама. Оживает его казацкая душа, подавленная тучным, разленившимся от хуторской

жизни телом (см. там же, 80). Кстати, топоним богатого поместья Череваня, хутор Хмарище (рус. *облачище*) может также рассматриваться символически, как большое затмившее горизонт облако, закрывшее от Череваня и Украину, и былую казацкую удаль, казацкую жизнь.

Согласно украинским традициям жену Череваня в романе зовут Череваниха. Прозвище образовано от онима мужа при помощи устаревшего суффикса *-иха* (ср. Барабаш – Барабашиха (там же, 335)). Примечательно, что Пантелеймон Кулиш в русском варианте романа и дочь Череваня сравнивает с княгиней Ольгой, супругой князя Игоря Святославича, которую по аналогии нарекает Игорихой: *«Можно бы подумать, что это древняя Ольга Игориха выъзжала погулять по заповѣднымъ Кіевскимъ лугамъ»* (там же, 59). Аллюзия на *Слово о полку Игореве* здесь однозначна. Про Череванивну (Кулиш 1860: 38; Кулиш 1994: 53) в русском варианте произведения сказано, что она *«носила въ семействѣ уменьшительное имя Леси»* (Кулиш 1860: 36). Именно в русском тексте романа подчеркивает Пантелеймон Кулиш особую грацию, особую душевность и красоту украинской девушки: *«Она не пѣла, а какъ-будто мечтала въ-слухъ, какъ обычно поетъ въ уединеніи задумчивая Украинка»* (там же, 39); *«стояла съ той граціей, какую природа внушаетъ какъ-будто однѣмъ только Украинкамъ»* (там же, 39). В описании внешности все еще привлекательной (несмотря на возраст) супруги Череваня встречается типичная черта украинской красавицы, часто упоминаемая в литературных произведениях XIX столетия – черные брови: *«Череваниха была то, что называется сама въ собі (в другом месте: «пані на всю губу» (там же, 51)), то есть въ полномъ развитіи тѣлесныхъ формъ. Лѣта прибавили ей тучности, но не уменьшили игры румянца на щекахъ и блеску умныхъ и веселыхъ глазъ, которымъ черныя брови продавали особенную выразительность»* (там же, 37).

В образах Леси и Череванихи Кулиш большого внимания литературной ономастике не уделяет, за исключением разве что следующего. Черевань почти сразу же после прибытия гостей «сватает» Петра к Лесе: *«Меласю! – обернись до жінки. – От нам зятьок! Лесю, от жених тобі під пару, так-так!»* (Кулиш 1994: 49). Шрам не имеет ничего против, только Леся и Череваниха ведут себя как-то странно. Причину остановленного на неопределенных условиях сватовства понял только Петро и *«въ одну минуту жизнь покрылась для него мра-*

комъ» (Кулиш 1860: 57). А по пути в Киев Череваниха рассказывает Петру о некогда увиденном ею сне и вещании ворожки о том, что Леся станет женой гетмана. Вся процессия увидела прекрасную панораму сияющего Киева, только Петро «і не бачить, і не чує нічого: так опентала (рус. отуманила) його Череваниха» (Куліш 1994: 56). А зовут Череваниху Меланией, т.е. именем греческого происхождения со значением *черная, темная* (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 162).

После черной рады для Череваня все возвращается на круги своя. Он горько сожалеет о том, что покинул свой хутор, и Шрама в сердцах называет сумашедшим: «*Нехай їй біс, сій раді! От не в добру годину знесло мене з тим божевільним Шрамом! [...] Ой, коли б мені добратись живому та здоровому до Хмарища!*» (Куліш 1994: 151). И в сцене прощания, когда казаки расстаются навсегда, в центре внимания оказывается обед: «*Ох, у нещасливу годину, бгате, ми виїхали з Хмарища! [...] Подождіть же! Куди ж оце ви, бгатиці? – Куди ми ідемо, – одвітує Шрам, – там тобі не бувати. – Та, по правді сказавши, бгате, я й не хочу. Добре й під Ніженем огрілись. Ось до якого часу блукаю не обідавши. [...] – Ну, їдь же собі обідати, – каже Шрам, – нам ніколи. Прощай!*» – *Прощайте й ви, бгатиці! Та заїздить, упоравшись, у Хмарище: вдаримо, може, ще раз лихом об землю. – Ні, вже! – одвітує Шрам. – Тепер про нас хіба тільки почувеш. Прощай навіки!*» (там же, 156).

Вернувшись на хутор, Черевань навсегда порывает с казачеством и отдает предпочтение спокойной, размеренной жизни, центральное место в которой отведено застолью.

Василь Невольник

Интересным типом казака с говорящим прозвищем является служащий у Череваня старый казак Василь Невольник. Ворота, ведущие в хутор Череваня, путникам открыл именно он. Несмотря на очевидное значение онима, Кулиш дает объяснение прозвища в одной из первых реплик дряхлого старика, восхищающегося удалым сыном Шрама Петром: «*Орел, а не козак! – каже знов Василь Невольник. – Що, якби таких друзяк припливло хоч дві чайки до Кермана, як я пропадав там у неволі? Ох, боже правий! Далась мені та проклята неволя добре знати, не забуду її довіку!*» (Куліш 1994: 39). А в русском тексте вместо последней фразы идет уточнение: «*кандалы потерли*

руки и ноги, холодное желѣзо попрощало тѣло до костей!» (Кулиш 1860: 5). Из рабства Василя Невольника при содействии Божьего Человека выкупил Черевань, отдавший за него сто золотых. С тех пор Василь Невольник, то и дело вспоминающий свое тяжелое рабство, живет у Череваня и верно служит ему согласно своему обещанию: *«піду я тому служити, хто визволив мене із бусурменської землі»* (Куліш 1994: 45).

На черной раде Василь Невольник спасает жизнь своего хазяина. Ведь Черевань во весь голос заявляет, что Сомко его зять, и он готов где угодно провозгласить зятя гетманом. Реакция запорожцев не заставила себя ждать, приговор был однозначен: *«Бейте эту кабанью тушу»* (Кулиш 1860: 295). Разрешает ситуацию Василь Невольник: *«Тут деякі поточились до Череваня, і, може б, там йому й капут був, да Василь Невольник пізнав ватажка. – Пугу-пугу! – закричав, – пугу. Голоवेशка! Гаврило! Хіба не пізнав Василя Невольника? Не чіпай сього пана: він на моїх руках!»* (Куліш 1994: 149). В образе Василя Невольника Пантелеймон Кулиш отразил типичную судьбу определенной части попавших в плен казаков, подчеркивает такие черты идеализированного казачества как верность своему слову, верность своему спасителю и верность казацким ценностям.

Божий Человек

Оним Божьего Человека, почитаемого всеми слепого кобзаря, также является говорящим именем. Василь Невольник характеризует почитаемого как святого старца следующими словами: *«Такого кобзаря не було, та, може, вже й не буде між козацтвом»* (Куліш 1994: 43). Относительно краткую авторскую характеристику героя в украинском тексте романа – *«Звався божим чоловіком сліпий старець-кобзар. Темний він був на очі, а ходив без проводиря; у латаній свитині і без чобіт, а грошей носив повні кишені. Що ж він робив із тими грішми? Викупляв невольників із неволі. Іще ж до того знав він лічити усякі болісті і замовлять усякі рани. Може, він помагав своїми молитвами над недужим, а може, і своїми піснями [...] За тее-то за все поважали його козаки, як батька»* (там же, 43) – Пантелеймон Кулиш в русском варианте расширяет и дополняет описанием внешности героя. Он подчеркивает необыкновенное почтение казаков к старику, который знал язык всех растений и трав, который своими молитвами

и песнями исцелял самые тяжелые болезни и заговаривал раны, а все полученные в качестве благодарности средства тратил на освобождение пленных казаков, и *«зато не было ему и другого имени, как Божій Человѣкъ. Наружность его вполнѣ соответствовала этому имени. Съ длинной сѣдой бородой, съ правильными, умными и строгими чертами лица»* (Кулиш 1860: 20). Всем встречающим слепого старца казалось, что душа его жила не на земле, а на небе (см. Кулиш 1994: 48). Божий человек цитирует гл. 5. ст. 7. Евангелия за Матвеем: *«Блаженні милостивіі, яко ті помиловані будуть»* (там же, 44). К необыкновенному почтению со стороны казаков присоединяется и Кирило Тур, утверждающий исключительность старца: *«Не всякому рівнятись із божим чоловіком. У того й думка, й серце у законі господньому, поучається він закону божому день і ніч»* (там же, 131). И раненного в поединке с Петром Кирила Тура лечит также Божий Человек, отклоняющий упрек Шрама следующими словами: *«Мені усі ви рівні; я в ваші чвари да свари не мішаюсь»* (там же, 104). Показательно, что в конце романа Петро при прощании с Божьим Человеком кладет ему за пазуху деньги *«на викуп невольника з неволі, за панотцеву душу»* (там же, 173).

Пугач

У запорожских казаков был в обходе своеобразный пароль *«Пугу! Пугу!»*, на который отвечали: *«Козак з Лузу!»* Пугу – это междометие, подражающее издаваемому филином, хищной птицей из семейства совиных звуку. При помощи этого междометия оповещали казаки друг друга в разных ситуациях, например, когда стремились освободить своих пленных товарищей. Прозвище сечевого старца Пугача образовано как раз из этого широко распространенного казачьего пароля. Однако в прозвище актуализируются также коннотации, отраженные в значении: *пугач* – это *тот, кто пугает*. Деда в произведении представляет Гвинтовка: *«Се батько Пугач, старець, або дід кошовий»* (Кулиш 1994: 110). В русском варианте романа Кулиш, обращаясь к читателям, добавляет: *«Его-то именем помните, Черногорець думаль унять своего побратима отъ любовныхъ дурачествъ»* (Кулиш 1860: 208).

Голос Пугача, когда он приходит за Кирилом Туром, чтобы отвести молодого казака на расправу, дик, а его *«пугу!»* зловеще (см.

Куліш 1994: 68). Мать и сестра Кирила, услышав это «пугу!», задрожали от страха, хотя: *«Уже їм не впервинку було се низове пугання, тільки ж ніколи не було їм так страшно»* (там же, 116). В описании внешности старика превалирует мотив жестокости, угрозы: *«білі його брови страшно насупились. Попустивши вниз сивий довгий ус, поглядовав він на Кирила Тура, як хижий орел на ягницю»* (там же, 117). В русском варианте текста этот мотив раскрывается еще шире: *«Наружность батька Пугача не предвѣщала ничего добраго. Мрачное лице его, съ нахмуренными бѣлыми бровами, и во всякое время не развеселило бы никого, а теперь оно казалось вѣстникомъ чего-то ужаснаго»* (Кулиш 1860: 225).

А судят Кирила Тура из-за нарушения древних традиций, казачьих обычаев. Решение о наказании после обвинения Пугача (*«Учинив він таке, що тільки пху! Не хочеться й вимовити. Знюхавсь поганим з бабами і наробив сорому товариству на всі роки»* (Куліш 1994: 125)) принимают длинноусые сечевые деды, уже не занимавшие никаких должностей, но игравшие важную роль в жизни казачества. «Сказание в гречку», как Кулиш объясняет в сноске русского варианта текста, является согрешением против седьмой заповеди (см. Кулиш 1860: 247). Наказание за это нарушение у казаков было жесточайшим: виновного привязывали к позорному столбу и забивали киями (толстыми палицами) насмерть. Семи таких ударов было достаточно, чтобы виновник испустил дух.

В произведении не раз заходит речь об отношении казаков к женщинам. Когда поединок Петра и Тура закончился ранением обоих, сам гетман Сомко сокрушался над Кирилом: *«Лучче б мені довіку не женитись, ніж отес бачити тебе без пам'яті і гласу!»* (Куліш 1994: 93). Сомко ни во время открытых насмешек-обещаний Кирила похитить его невесту, ни на упрек Шрама по поводу того, что он заботится о раненом похитителе, много внимания своей невесте не уделяет: *«Что мнѣ невѣста: Этого цѣтѣту много по всему свѣту, а Кирила Тура не найдешь во всемъ мірѣ»* (Кулиш 1860: 169). И Кирило Тур говорит о гетмане, что: *«для него невѣста – самая лишняя вещь»* (там же, 252).

Во время наказания первым ударил Кирила Тура сам Пугач: *«так одважив кием по плечах, що аж кістки захрумтіли»*. В русском варианте текста жестокость Пугача еще более подчеркнута: *«безжа-*

лостный Пугачь влѣпилъ ему такой полновѣсный ударъ, отъ котораго, казалось, и кости должны были разсыпаться въ дребезги» (там же, 242). Самыми убежденными сторонниками осуществления жестокого наказания были сечевые деды. Один из них даже предложил положить конец всему одним ударом по голове. Но другой дед, ссылаясь на поучения Иисуса Христа из Евангелия от Матвея возразил, говоря, что такая расправа недостойна казака: *«Ні, брате, – каже другий дід, – ніхто з нас не зазнає, щоб коли-небудь бито виноватого по голові. Голова – образ і подобіє божє: гріх підіймати на неї кия. Голова нічим не винна; із серця ісходять помишленія злая, убійства, прелюбодіянія, татьби»* (см. Кулиш 1994: 127). Многие казаки прошли мимо наказуемого Тура, и многих отвадил его побратим Богдан Черногор, про которого Пантелеймон Кулиш писал: *«молодий, високий козак, тільки щось азіатське; зараз і видно, що не нашого поля ягода»* (там же, 68).

И все же после наказания первым пришел лечить Кирила Тура именно Пугач, который *«сам приложив йому до спини широке якесть листя, помазавши чимсь липким. – Ну, – каже, – тепер ходи здоров, та не скачи в гречку, а то пропадеш, як собака!»* (там же, 128). И обедать пришел в курень к Кирилу, оказав этим большую честь и казаку, и всему куреню. Вот таким образом «реабилитирует» Пантелеймон Кулиш старого казака, ранее охарактеризованного в авторской ремарке русского варианта романа следующим образом: *«Пугачь принадлежал къ самымъ суровымъ рыцарямъ своего ордена, отрицавшагося міра и всѣхъ удобствъ жизни»* (Кулиш 1860: 209).

Пугач – рыцарь, однако с теми, кто осмелится подорвать вековые устои, отказаться от традиций, нарушить законы украинских сечевых казаков, он безжалостно расправляется. Именно это происходит и в сцене изобличения Брюховецкого, который получив власть, показывает свое истинное лицо. За то, что *«На чім держиться Січ і славне Запорожжє, те повернув ти на сміх!»* (Кулиш 1994: 160), Пугач пророчит Брюховецкому: *«Коли взявсь брехати по-собачи, то й пропадеш, як собака!»* (там же, 158). И вместе с частью запорожцев отправляется обратно в Запорожскую Сечь, но сначала проклинает Брюховецкого, называя его Иродом: *«Пху! Плюю й на той слід, що топтав із паливодами! Плюйте й ви, батьки, – каже своїм товаришам, а на прощаннє скажем сьому Иродові, чого ми йому бажаємо:*

воно ж йому й не минеться» (там же, 160). Про проклятия в русском тексте романа дается сноска, в которой Пантелеймон Кулиш объясняет, что украинец, только умеренно рассердившись, ругает отца и мать своего врага, серьезно разъярившись, он *«Береть для своих проклятиій моральную сторону чгьловека»*. Народ, который не боится *«ни кулака, ни стыда»*, проклятиій боится страшно, неслучайно в народе им приписывалась особая сила (см. Кулиш 1860: 326). Поэтому в романе по примеру Пугача сечевые старцы один за другим проклинают Брюховецкого; они желают гетману-предателю, чтоб на него обрза падали, чтоб у него покоя не было ни днем, ни ночью, чтоб его земля не приняла и т.д.

По мнению М. Зерова, суровый хранитель казацких традиций Пугач и экспрессивный Кирило Тур, психолог-экспериментатор, который считает себя смычком, способным играть на всех, стали самыми яркими и позитивными героями романа (см. Зеров 2007: 200).

Кирило Тур

Действительно наиболее интересным, оваянным романтическим ореолом персонажем исторического романа *Черная рада* несомненно является куренный отаман Кирило Тур. Имя Кирилл в переводе с древнегреческого языка обозначает *господин, владыка* (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 67). А тур принадлежит к числу излюбленных в славянском фольклоре животных, и вместе с тем является воплощением богатырской силы и храбрости. В сцене поединка Петра и Кирило Тура, когда сошлись словно музыканты в одном дуэте воины *«одної сили, одної хисті, одного завзяття»*, Пантелеймон Кулиш в риторическом вопросе подчеркивает именно это значение: *«Чи встоїть же Петро против здорового, широкоплечого козарлюги Кирило? Той-бо стоїть, як буїй тур, вкопавши ноги в землю»* (Куліш 1994: 91). В конце произведения при прощании с Петром, над любовью которого Кирило на словах то и дело подтрунивает, но в действительности помогает товарищу, расстроенный из-за исторических событий казак в сердцах говорит: *«Який я Тур? Хіба не бачиш, як тепер усе на світі попереверталось! Кого недавно ще звали приятелем, тепер величають ворогом; багатий став убогим, убогий багатим; жупани перевернулись на сямряги, а сямряги на кармазини. Увесь світ пере-*

лицьовано: як же ти хочеш, щоб тільки Тур зостався Туром? Зови мене або бугаєм абощо, тільки не Туром» (Кулиш 1860: 155).

Описание героя – «Обернулся Шрамъ – передъ нимъ Запорожець, въ красномъ жупанѣ; въ одной рукѣ шапка, другая гордо уперлась въ бокъ; широкое лице озарено безпечнымъ смехомъ» (там же, 98) – соответствует идеализированным изображениям казаков на полотнах украинских художников XIX столетия или в два раза большей по размеру, чем все остальные, фигурки казака на нижнем ярусе ящика для вертепных представлений.

Наиболее детальное описание внешности из всех персонажей романа Пантелеймон Кулиш дает Туру. В нем проявляется определенная контрастность, также как и в образе Пугача. Характер Кирила Тура раскрывается постепенно. И все же главными чертами в образе сильного, бесстрашного, живущего исключительно по законам своего сердца и согласно сечевой казацкой философии оказывается истинная вера, моральная чистота и степенность: «Старшій, лѣтъ, по-видимому, тридцати-пяти, былъ весьма плотенъ, можно бы сказать даже тученъ, еслибъ стройная талія и мускулы, рѣзко вырисованные на шеѣ и огромныхъ ручищахъ, не были доказательствомъ, что дородность его происходит не отъ тучности. Онъ былъ безобразенъ и вмѣстѣ красивъ. Жесткая, опаленная солнцемъ морда, широкія, какбудто вылитыя изъ бронзы щеки, длинный чубъ, сперва приподняшійся вверхъ и потомъ пышно упавшій на лѣвый високъ, огромныя черныя усища, въ которыхъ Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, щетинистыя, чрезвычайно длинныя брови, приподнятыя съ насмѣшливымъ выраженіемъ, между тѣмъ какъ всѣ черты лица выражали суровую, почти монашескую степенность: таковъ былъ этотъ братчикъ» (там же, 99).

К удивлению Петра Шраменка Кирило цитирует из книги пророка Иеремии. Вместе с тем, он с насмешкой смотрит на жизнь, не забывая о том, чем, когда и как она кончится. Он торжественно, прямо с пафосом объясняет это своему побратиму-черногорцу: «а в нас над усе – честь і слава, військова справа, щоб і сама себе на сміх не давала, і ворога під ноги топтала. Про славу думає лицар, а не про те, щоб ціла була голова на плечах. Не сьогодні, дак завтра поляже вона, як од вітру на степу трава; а слава ніколи не вмере, не поляже, лицарство козацьке всякому розкаже!» (Куліш 1994: 89), и полушутя-полу-

серьезно бросает Петру, который просит Тура отпустить тайком узвенную Лесю: *«Ні, пане брате, полягти од твоєї шаблі байдуже, а оддати бранку – ой-ой-ой!..»* (там же, 90).

Кирило Тур называет себя характерником. Понятие это Кулиш объясняет в сноске русского варианта романа: *«Отаманы Запорожскіе почти всегда считались характерниками, т.е. чародѣями. Удаливость ихъ не могло быть иначе постигнуто умомъ людей обыкновенныхъ. Характерника не брала пуля; онъ умѣлъ сдѣяться невидимымъ для неприятеля, и т.п.»* (Кулиш 1860: 129). Желая спасти гетмана Сомка даже ценой своей жизни, пробравшись к нему в тюрьму, Кирило Тур, уговаривая гетмана не беспокоится о его дальнейшей судьбе, шутит: *«Хіба не чував ти про нашихъ характерників, що намалює углем на стіні човен, сяде та й попливе, неначе по Лиману?»* (Куліш 1994: 167).

Матвий Гвинтовка и его супруга княгиня-полька

Есаул нежинского полка Матвий Гвинтовка (рус. *винтовка*) не относится к вымышленным персонажам романа *Черная рада*, однако Пантелеймон Кулиш в своем произведении обыгрывает и его фамилию. Нежинский полковник Матвий Гвинтовка (?–1672) во время черной рады 1663 года был на стороне Брюховецкого. В романе он выступает братом жены Череваня, женившемся на польской княгине, в результате чего он и сам по мнению родственников пропах *«лядскимъ духомъ»* и совсем *«ополячился»* (см. Кулиш 1860: 195). Череваниха говорит про брата: *«у його все не по-нашому»* (Куліш 1994: 104), а в русском тексте сказано, что Гвинтовка был казаком *«совсѣмъ другой руки, нежели Черевань»* (Кулиш 1860: 195). В произведении слова и поступки, предательство и ложь Гвинтовки – а *«он любил отпустить молодецкую фразу тамъ, гдѣ говорили о родинѣ или козацкой славі; но когда дѣло принимало серьезный ходъ и нужно было рисковать имѣніемъ и жизнью, тамъ панство тот-часъ брало въ немъ перевѣсъ над патріотизмомъ»* (там же, 213), – возмущают и Шрама, и Череваня. Хотя в свое время, еще при гетмане Богдане Хмельницком, и Гвинтовка был отважным казаком. И эту удаль казаки-товарищи запомнили и признавали фразой, актуализирующей семантическое значение фамилии героя: *«Жвавий був козак. Як було пустить Хмельницький по Польщі загопи, то вже ніхто дальше його не пробереться; і*

говорять було козаки: „О, далеко наша Гвинтовка досягає!”» (Куліш 1994: 140). С такой же актуализацией встречаемся и в сцене, когда до начала черной рады Гвинтовка уже не таясь никого, открыто призывает казаков поддержать Брюховецкого: «А Гвинтовка тим часом, сівши на коня, проїхав сюди-туди, піднявши вгору срібний пірнач (де він його взяв, ніхто не знає); [...] – Гей, – каже, – козаки, непорожні голови! Хто не забув держатись за гвинтовку, до мене! За мною!» (там же, 149).

Жену Гвинтовки, княгиню-польку, которая «Ще була молода і хороша, тільки бліднолика пані. Зараз було видно, що се не нашого пера пташка. Не та в неї хода, не та й постань, да й українська одежа якось їй не припадала» (там же, 105), зовут Анастасией. Значение ее имени – *воскресенье* (см. Скрипник–Дзятківська 1996: 38). А в романе коннотации этого имени актуализируются в таком значении, что воскресенье наступает лишь после смерти. Несчастную женщину Гвинтовка привез с собой во время одного из походов, и была она ему не только женой, но и чем-то вроде рабыни-служанки, которой он с одной стороны бахвалится, а с другой стороны издевался над ней, как только мог. «Не честь, не слава ли козакамъ имѣть такихъ рабынь [...] Вамъ будетъ прислуживать гордая Польская пани, високоименитая княгиня!» (Куліш 1860: 203) – говорит Гвинтовка своим гостям.

Вся трагедия несчастной жертвы раскрывается в двух-трех репликах Череваня. При виде кареты (рыдвана) Череваня княгиня падает в обморок. Догадавшись о причине, Черевань рассказывает присутствующим, как они когда-то под Зборовом (в русском варианте «подъ Пилявою» (там же, 198)) с казаками забрали карету, в которой сидел князь с княжичем. Князя татары погнали в Крым, а ребенка, наскочивши, затоптали лошаадьми казаки. Именно так узнала о страшной судьбе своего сына и бывшего мужа пришедшая в себя, т.е. в очередной раз восставшая бедняжка княгиня. Ничего удивительного нет в том, что она буквально до смерти боится Гвинтовки, то и дело падает в обморок и «Какъ тень мертвеца нехотя оставляетъ могилу и является на зовъ чародѣя; такъ явилась на громовой призывъ Гвинтовки» (там же, 203). И подлый муж обещает: «Мой голосъ подиниметь ее изъ мертвыхъ!» (там же, 204). И срывает все свое зло на несчастной женщине, и уже никого не стесняясь приказывает: «Возьмите къ бѣсовой матери отсюда эту Лядскую падаль!» (там же, 214).

Примечательно, что страдания княгини польки Кулиш приравнивает к страданиям распятого на кресте Иисуса Христа: *«а Леся, да й сама Череваниха, насилу змогли дивитись без сліз на ту нещасливу невісту. Так, як бідний горобчик попадеться у руки хлоп'ятам та й не знає, за що над ним знущаються, а тії йому виспівують, як жиди Христа мучили, крутять да підкидають угору, так ся безталанна княгиня попалась тепер між козаки»* (Куліш 1994: 109). Кулиш в сноске объясняет, что дети возненавидели воробьев и жестоко издеваются над несчастными, приговаривая: *«А что, жив-жив?»*, так как помнят рассказанную бабушками легенду о том, что над распятым Иисусом воробьи чирикали *«Жив-жив»*, и поэтому жиды продолжали его мучить (см. там же).

Изобличая Гвинтовку в том, что он снюхался с запорожцами, Шрам обзывает его извергом Еремой. Среди казаков это имя также, как и уничижительная номинация Барабаш, считалось ненавистным. Причину Пантелеймон Кулиш объясняет в сноске к русскому варианту текста следующим образом: *«Так называли казаки князя Іеремію Вишневецького, самого гордого пана, самого ожесточенного ихъ противника, который, въ сознаниі своихъ правъ на неограниченную власть надъ множествомъ сель и городовъ въ Украинѣ, не зналъ тѣры своему мщенію надъ тѣми, которые прогнали его въ Польшу, и казня, плѣнниковъ, кричалъ палачамъ: „Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали!“»* (Кулиш 1860: 201–202). Оскорбленный обвинением Шрама, Гвинтовка парирует: *«Я такой же Ерема, как ты Барабаш»* (там же, 202).

В романе *Черная рада* имя Ивана Барабаша упоминается не только в качестве номинации предателей, но и в истории запланированного крайне подлого убийства гетмана Якова Сомка. Уже провозглашенный гетманом Левобережной Украины Брюховецкий все еще продолжает бояться власти Сомка, несмотря на то, что тот уже сидит у него в тюрьме. Прикинувшись пьяным, Брюховецкий рассказывает казаку Петру Сердюку про свой сон. Во сне он якобы видел, что Сомку ночью мышь откусила голову. У казаков это было аллегорией смерти. В русском варианте романа во время обеда в курене Кирила Тура дед Пугач этими же словами предупреждает Петра: *«Ты добрый козакъ, и батько твой добрый козакъ, только сдурьгълъ на старость. Боюсь, чтобъ ему мышь головы не откусила. Онъ чгьловокъ горячій, а*

на черной радѣ будетъ не безъ лиха!» (там же, 249). Согласно казацким верованиям характерники умели перевоплощаться в кого угодно. А следовательно могли тайком пробраться куда-угодно и коварно убить Сомка. Подстрекая Сердюка на подлое убийство, Брюховецкий снимает с руки золотой перстень и протягивает его казаку в качестве пропуска. Однако Петро Сердюк (Петро – *камень, скала, надежный, непоколебимый*; сердюк – уст. казак пеших казачьих полков, состоявших на жалованье) перстня не берет, ссылаясь на вечные неписанные законы казачества: «Того одступаю, – каже Сердюк Петро, – що хоч низовець на всяке характерство здатен, да за таке ще зроду в нас ніхто не бравсь! Прощай, пане гетьмане! Може, з хмелем і твій сон пройде» (Куліш 1994: 156). А передавая перстень подслушавшему этот разговор Кирилу Туру, Брюховецкий хвастается: «Се, коли хочеш знати, той самий перстень, що покійний Хмельницький зняв у сонного Барабаша. Я сам їздив із сим знаком і в Черкаси до Барабашихи. Pokійний гетьман подарував мені його на пам'ятку» (там же, 156).

Анализ ономастикона исторического романа Пантелеймона Кулиша *Черная рада* на основе украинского и русского варианта текстов произведения свидетельствует о том, что писатель придавал особое значение сюжетообразующим и образотворческим возможностям литературной ономастики и активно ими пользовался. Имена и прозвища, заложенные в них значения, коннотации и вызванные ими ассоциации в представлении разных типов казацкого общества в значительной мере обогащают семантику образов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гармата, А. 2012, Авторська інтерпретація історичних образів у романі П. Куліша «Чорна рада». *Літературний процес: Методологія, імена, тенденції* № 1, 59–63.
- Гуменюк, А.І. 1967, *Українські народні музичні інструменти*. Київ: Наукова думка. <<http://proidne.com/content/книги/Українські народні музичні інструменти А. І.>>
- Долинин, А. 2007, Вальтер-скоттовский историзм и «Капитанская дочка». В кн.: Долинин, А., *Пушкин и Англия: Цикл статей*. Москва: Новое литературное обозрение, 237–259.

- Зеров, М. 2007, Куліш: «Чорна рада». В кн.: *Українське письменство ХІХ ст.: Від Куліша до Винниченка. Лекції. Нариси. Статті*. Дрогобич: Відродження, 194–201.
- Куліш, П. 1860, *Повѣсти П.А. Кулиша: Въ четырехъ томахъ, т. 1: Черная рада*. Санктпетербургъ: Въ типографіи П.А. Кулиша.
- Куліш, П. 1929, Листи Куліша до М. Погодина. В кн.: Куліш, П. *Матеріали і розвідки, ч. 1: Збірник філологічної секції*. Львів: Накладом наукового товариства ім. Шевченка, 6–26.
- Куліш, П. 1994, Чорна рада. В кн: Куліш, П., *Твори в двох томах, т. 1: Прозові твори. Поетичні твори. Переспіви та переклади*. Київ: Дніпро, 38–173.
- Куліш, П. 1996, Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпилог к «Черной раде». В кн.: *Історія української критики та літературознавства. Хрестоматія: У трьох книгах, кн. 1*. Київ: Либідь, 238–254.
- Скрипник, Л.Г. – Дзятківська, Н.П. 1996, *Власні імена людей: Словник-довідник*. Київ: Наукова думка.
- Яворницький, Д. *Історія запорізьких козаків, кн. 1*. <<http://exlibris.org.ua/cossacks/r101.html>>